

Яркие лучи света в доме сразу же окутали его, как только он почувствовал прилив тепла.

"Гав!" Как сказал Линь Чу, Чу Си уже ждал их прибытия у двери.

Первоначально сидя у двери, он встал в ту же секунду, когда увидел, как они вошли, его длинный хвост вилял необычайно энергично, как кнут.

Казалось удивительным, что Ян Нинбай и Мо Цзиньси пришли в такой поздний час.

Однако, он набросился на них обоих с энтузиазмом, один за другим, и еще до того, как они смогли снять обувь, их маленькие белые руки и лица уже были слизистыми от всех облизываний Чу Си, заставляя их катиться от смеха.

Ян Бэйчэн отложил багаж в сторону, в то время как Линь Чу протянул руку, чтобы схватить Чу Си. "Чу Си, води себя хорошо и дай им сначала сменить туфли".

"Ууууу! Ауууу!" Чу Си бросил голову вперед и продолжил ныть. Однако, она перестала подпрыгивать вперед и продолжила топтать свои передние лапы на земле.

Двое детей быстро поменяли туфли, и прежде чем Чу Си смог отреагировать, они бросились к нему и обняли его, один слева, а другой справа.

Мо Цзиньси никогда не был живым и энергичным ребенком. Хотя он был ещё маленьким ребёнком, он вёл себя торжественно, как старик, но после того, как провёл всё больше и больше времени с Ян Нинбай, он постепенно становился всё более живым ребёнком, что делало Линь Чу чрезвычайно счастливым.

Чу Си, с другой стороны, был почти вне дыхания, как два обняли его крепко на шее. Он упал на землю с торчащим языком и четырьмя ногами, извиваясь в воздухе.

Ян Нинбай и Мо Цзиньси хихикали при взгляде на него и завалились на вершину Чу Си.

Увидев, что дети заняты, Линь Чу воспользовался случаем, чтобы помочь Ян Бэйчэну принести багаж в гостевую комнату.

В доме было пять спален - главная спальня принадлежала им, у тёти Чжуан была одна спальня, одна была отремонтирована как кабинет, а другая - как тренажёрный зал. Остальная комната служила комнатой для гостей, в которой останавливался Ян Нинбай, когда он приходил.

На обратном пути Ян Бэйчэн уже позвонил и попросил тетю Чжуан прибраться в гостевой комнате.

Так как тетя Чжуан часто убиралась в комнате, ей не потребовалось много времени, чтобы быстро приготовить ее к ночи.

Кровать в комнате для гостей тоже была довольно большой, и достаточно просторной, чтобы двое детей могли спать вместе.

Вскоре Линь Чу начала распаковывать багаж детей, вешать одежду в шкаф и оставлять пижаму на кровати. Она также вытащила их туалетные принадлежности и положила на раковину в ванной.

Однако она не прикасалась к игрушкам Яна Нингбая, так как он всегда мог сам убрать их позже.

После того, как она закончила, она потянулась за руку Яна Бэйчэна и оттянула его в сторону. "Иди сюда, у меня есть кое-что, о чем я хочу с тобой поговорить".

Они оба вернулись в свою спальню, а Линь Чу закрыла за ними дверь.

Бровь Ян Бэйчэн поднялась в любопытстве, когда он сел на кровать. Он остановил её и встал между коленей.

"Что происходит? Почему ты ведешь себя так таинственно?" С мягким смехом спросил Ян Бэйчэн, когда она покорно стояла перед ним, похожая на куклу с белоснежной кожей.

Он не мог устоять перед желанием держать ее за руку, и когда его глаза естественным образом поселились на кольцо на ее пальце, его сердце зажглось от радости. Казалось, что он, наконец, получил ее всю, как будто она, наконец, официально принадлежит ему. Теперь им оставалось только ждать, пока их лицензия будет обработана, и ему больше не нужно было об этом беспокоиться.

Он мягко сжал ей руку. Ее руки были тонкими, и он все еще смутно видел зеленые вены, проходящие через заднюю часть руки. В его глазах они были прекрасны, как произведение искусства.

Несмотря на то, что ее руки были тонкими, они все еще были мягкими, чтобы держать их. Даже когда он сжимал ее руки, он чувствовал, как ее кости время от времени высовываются, в то время как в другое время они были настолько мягкими, что она казалась бескостной.

Ян Бэйчэн все больше и больше интересовался тем, что он продолжал сжимать ее руки, в то время как Линь Чу одновременно чувствовала, как ее лицо становилось все красновато и краснеет. Она начала думать, что в комнате становится слишком жарко.

"Разве я не говорил, что хотел бы усыновить Цзиньси после нашей свадьбы? Я просто хочу обсудить это с тобой еще раз, ты уверена, что не против?" Линь Чу спросила: "Изначально я не ожидала, что это произойдет так скоро, но в понедельник мы получим разрешение на брак, и с тех пор будем мужем и женой".

Уши Ян Бэйчэна оживились от упоминания о муже и жене. Ему очень понравилось, как это звучит.

Он счастливо кивнул. "Да, мы скоро станем мужем и женой".

Линь Чу хихикал в ответ. "Ну, Цзиньси сегодня здесь, поэтому я и подумал об этом."

После этого Линь Чу неуверенно посмотрела на Ян Бэйчэна, надеясь, что она дождется его ответа. "Готовы ли вы..."

"Нет ничего, что я не сделаю для тебя", Ян Бэйчэн дала рукам еще один мягкий нажим. "Мы уже обсуждали это раньше, но раз уж он сегодня здесь, давайте спросим его и посмотрим."

Линь Чу начала думать, что Янь Бэйчэн пообещает ей всё, что она попросит. Какой бы упрямой она ни была и насколько необоснованными ни были ее просьбы, он всегда будет готов удовлетворить все ее желания.

Она подозревала, что даже если она совершит преступление, он сделает все возможное, чтобы помочь ей выбраться из той неразберихи, в которой она находилась.

Когда она подумала об этом, она вдруг почувствовала себя нелепо. Почему она думала об этих случайных мыслях сейчас?

"Над чем ты смеешься?" Ян Бэйчэн спросила с улыбкой. Она выглядела так, как будто смеялась над внутренней шуткой.

Оглядываясь на свои теплые и нежные глаза, Линь Чу не мог не наклониться и не поцеловать его в щеку. Поцелуй был невинным, и казалось, что мягкое перо расчесывает его щеки, тут же вытягивая огонь, спрятанный в груди Яна Бэйчэна.

Глаза Ян Бэйчэна потемнели, когда он продолжал пялиться на нее. Он схватил ее за талию, когда скользил губами вниз по животу, так что между его губами и кожей лежал только слой одежды.

Ноги Линь Чу ослабли, и она упала ему на колени, естественно обернув руки вокруг шеи.

Увидев, что Ян Бэйчэн изо всех сил пытается втянуть его в свои эмоции, она подбросила ему на

губы еще один дразнящий поцелуй. "Ян Бэйчэн, что будет, если ты превратишь меня в избалованное отродье?"

Ян Бэйчэн подняла бровь. Он не понял, что она сказала.

"Как я могу тебя избаловать?" Ян Бэйчэн спросила.

Путаница в его тоне была в том, что он совершенно невиновен.

"Могу я спросить тебя о чём-нибудь, чего ты мне не дашь?" Линь Чу нежно протыкал ему грудь. "Похоже, что до сих пор ты не возражал ни против чего, о чем я тебя просил."

"Ну, ты не просил ничего, чего я не могу сделать", - с улыбкой ответила Ян Бэйчэн и тайком поцеловала в угол ее губ. "Ты не будешь просить меня о чем-то неразумном и не будешь бросать мне трудные просьбы, так как я могу тебя избаловать? У меня даже нет шанса!"

Линь Чу смотрел на него с недоверием. Как он мог такое говорить? Разве она не просила его о неразумных просьбах?

Хотя усыновление Мо Цзиньси было добрым делом, он, наверное, был единственным в мире, кто согласился бы на что-то подобное с нулевым колебанием!

Человеческое сердце и разум обычно были очень уязвимыми. В других семьях, только если человек в доме был очень добродетельным или был необычайно осведомлённым, он согласился бы на такую просьбу.

Если Ян Бэйчэн мало заботился об усыновлении двух детей только потому, что он был богат, то как насчет других богатых людей в этом мире? Почему они этого не сделали?

Усыновление сироты и воспитание его как своего собственного - это не то же самое, что финансовая поддержка.

Многие богатые люди были готовы пожертвовать деньги и тому подобное, но когда дело доходило до фактического усыновления ребенка, они были менее готовы сделать это.

Поэтому Линь Чу знала, насколько необоснованной была ее просьба, но она также знала, что если она попросит Ян Бэйчэна, то он не откажет ей.

Кроме того, именно из-за этого она осмелилась поднять этот вопрос, не делая излишнего напряжения. На нее не оказывалось психологического давления, так как она знала, что он хорошо с ней обращался и что он согласится на любую ее просьбу.

По правде говоря, она была бессознательно избалована им, и даже она еще не заметила этого. Это было тонкое изменение в ней, которое медленно происходило с течением времени.

Она поняла это только мгновение назад, когда подумала об этом.

Видя реакцию Ян Бэйчэн, казалось, что он еще не осознал этого!

В тот момент Линь Чу подумала, что Ян Бэйчэн выглядит невероятно глупо. Мягким хихиканьем она протянула руку и поцеловала его в губы. Она не потрудились объяснить ему, насколько необоснованной была ее просьба.

Ян Бэйчэн воспользовался случаем и затянул одну руку вокруг талии, в то время как другая рука потянулась за затылок, углубив поцелуй так, что она не могла уйти.

Ощущение жжения распространялось из его губ по всему телу до тех пор, пока он больше не мог мыслить здраво. Он знал только об ощущении мягких губ, обращенных к его губам.

Полностью погрузившись в поцелуй, он забыл о шумных шагах двух детей, поднимавшихся по лестнице.

Он узнал о них только тогда, когда два маленьких парня начали кричать на улице.

Мо Цзиньси, "Чу Чу не в нашей комнате!"

Ян Нингбай, "Большой племянник! Большой племянник!"

Чу Си, "Гав!"

Мгновениями позже, два негодяя начали стучать в дверь своей спальни.

"Большой племянник! Большой племянник!" Голос Ян Нингбай звонил снаружи комнаты.

"Они уже спят?" Мо Цзиньси тихо прошептал Ян Нинбай.

Раздражающий голос Ян Нинбай снова прозвучал: "Их дядя ещё не спит, так как они могут спать первыми!"

К тому времени, как Линь Чу, наконец, пришла в себя, она поняла, что теперь находится на кровати с Ян Бэйчэн, парящей над ней. Более того, ее одежда была перевернута.

Он продолжал кусать ее мочку уха, но она быстро оттолкнула его. "Вставай... Вставай! А если они ворвутся? Мы не заперли дверь прямо сейчас."

Ян Бэйчэн глубоко вздохнул и сел с крайне недовольным выражением лица. Как этот негодяй Ян Нингбай мог сделать что-то подобное?

Он посмотрел на неудобную ситуацию внизу и в расстроенном тоне сказал Линь Чу: "Иди и избавься от них сначала, я пока спрячусь".

Он не мог быть замечен двумя негодьями в таком состоянии.

С этим он направился в туалет.

Тем временем Линь Чу встала и привела себя в порядок. К счастью, её одежда была не такой мятой, как она думала.

Она стояла перед туалетным столиком, расчесывая пальцами волосы. Однако губы были полностью опухшими, поэтому Клэри быстро вынула из ящика стола маскировочное устройство и наложила его на губы. Затем она нанесла бледную помаду в центр губ, и губы мгновенно стали выглядеть меньше, так что припухлость была не так заметна, как раньше.

Когда Линь Чу наконец-то выглядела презентабельно, она пошла открывать дверь.

Два негодяя стояли перед ней с собакой за лапами. Янь Ningbai стоял с руками на талии, как он приветствовал ее: "Большой невестка, что заняло столько времени, чтобы открыть дверь"?

"Мы только что умывались, так что не слышали тебя." Линь Чу просто придумал отговорку и впустил группу в комнату, включая Чу Си, который воспользовался шансом пробраться внутрь.

Ян Бэйчэн обычно не впускал Чу Си в спальню, но двое маленьких парней были здесь сегодня вечером, и они были непреклонны в том, чтобы быть неразлучны с ней, поэтому у них была возможность нарушить правила.

Ян Нинбай моргнул, когда обрабатывал мысль с нулевым колебанием. "А, мои родители тоже умылись вместе. Я понимаю", - сказал он, кивая головой с пониманием.

Линь Чу был совершенно безмолвен.

"Янь Хуайань, Юй Цзы, твой сын только что продал тебя вот так..." - подумала она сама.

"Где большой племянник?" Глаза Ян Нингбая быстро пронесли по спальне и поняли, что Ян

Бэйчэн нигде не видно.

Лицо Линь Чу сразу покраснело, и она быстро ответила на него: "Он все еще в ванной".

"О," Ян Нингбай покорно кивнула. Линь Чу выпустил вздох облегчения, как он, наконец, перестал задавать вопросы.

Линь Чу взглянул на Мо Цзиньси, который спокойно стоял в углу, а затем повел двух маленьких мальчиков на диван. Клэри усадила их на него перед тем, как сесть на кофейный столик напротив.

"Цзиньси, мне нужно с тобой кое-что обсудить", - сказал Линь Чу.

Мо Цзиньси был очень напористым ребенком, и хотя он был еще совсем маленьким, он неожиданно повзрослел.

Время от времени внутри него возникала детская невинность, но он всегда вел себя адекватно и всегда был особенно осторожен, когда дело доходило до серьезных вещей. Таким образом, Линь Чу никогда не говорила с ним в том тоне, который она использовала для уговаривания других детей, а вместо этого общалась с ним так, как она обычно с другими людьми ее возраста.

Когда дело доходило до серьезных вопросов, она всегда уважала его мнение.

Линь Чу не беспокоились, пытаясь держать Янь Ningbai в темноте, так как нечего было скрывать, как семья Янь должен был знать конечное решение этого вопроса независимо. Кроме того, если бы она оттянула Мо Цзиньси в сторону, чтобы поговорить об этом тайно, Янь Ningbai может в конечном итоге переосмыслить ситуацию, которая была бы гораздо хуже.

Тем не менее, Линь Чу был особенно осторожен в данный момент.

"В чём дело?" Мо Цзиньси сидел прямо, жестко, с его двумя белыми и нежными руками на коленях.

Хотя его короткие ноги не дотянулись до земли, он все же сидел прямо на коленях вместе.

Линь Чу нравилось его взрослое поведение. "Ну, мы с твоим дядей Янем собираемся пожениться". Мы официально станем мужем и женой, как только получим разрешение на брак", - медленно с мягкой улыбкой сказала она.

Несмотря на то, что два маленьких мальчика были невиновны, у них все еще было смутное представление о браке. Как только пара станет мужем и женой, они будут жить вместе и, в

конце концов, иметь собственных детей и создавать свою собственную семью".

Хотя Ян Бэйчэн и Линь Чу уже жили вместе, жизнь после брака все равно... на самом деле, это не имело бы большого значения.

"Я уже говорил с твоим дядей Яном об усыновлении тебя после свадьбы. Цзиньси, ты готов стать нашим приёмным сыном?" Линь Чу нервно спросил. Она боялась, что он не согласится.

Мо Цзиньси в шоке открыл глаза после того, как услышал вопрос Линь Чу. Сначала он был ошеломлен, а потом переполнен радостью. Однако он быстро подавил эмоции.

Его ясные яркие глаза снова медленно успокоились.

Затем он покачал головой.

Линь Чу был так удивлен, что она не знала, что сказать в тот момент. Прямо тогда Ян Бэйчэн вышел из ванной комнаты и увидел Линь Чу и двух детей, спокойно сидящих на диване. Трое из них безмолвно смотрели друг на друга, как будто их поразили тревожные новости.

Ян Бэйчэн молча прошел мимо и встал рядом с Линь Чу.

Линь Чу подняла голову и посмотрела на него. Он был высокий, и так как она сидела, это было утомительно для нее, чтобы продолжать смотреть на него.

Угол рта Ян Бэйчэн подергался, и он переместился на кофейный столик, расположившись рядом с Линь Чу. Его длинные ноги были зажаты в тесном пространстве, что, казалось бы, поставило его в неудобное положение.

Зазор между журнальным столиком и диваном тоже был не совсем просторным. Его телята были так плотно прижаты к дивану, что уже прижимались к нему.

У Яна Бэйчэна не было другого выбора, кроме как сдвинуть вещи на кофейном столике в сторону и отойти назад. После того, как он отрегулировал свое сиденье, ему наконец-то стало удобно.

Когда Ян Бэйчэн была рядом, ее рука, прижатая к его телу, все еще чувствовала тепло на его теле. Тем не менее, это только заставило ее успокоиться еще больше.

После восстановления после шока отказа, Линь Чу, наконец, нашел ее голос снова "Но почему?".

Она заметила счастье в глазах Мо Цзиньси, когда она задала вопрос, и из его восторженной реакции было ясно, что он более чем готов жить с ними.

Так что же заставило его передумать?

Мо Цзиньси поцарапал колени, прежде чем мягко ответить: "Если я съеду с вами обоими, в приюте останутся только Ши Ту и Тянь Тянь". Несмотря на то, что они немного моложе меня, они всё ещё самые старшие дети в приюте после меня. Однако, если я уйду, они подумают, что они никому не нужны, и почувствуют себя ненужными. Я уверена, что они очень расстроятся, поэтому я боюсь... Я боюсь, что они начнут думать, как тетя Чжу, как будто это я украла у них возможность, и что вы, ребята, предвзяты".

Мо Цзиньси быстро покачал головой и продолжил: "Я знаю, что они все хорошие и воспитанные дети. Они действительно хорошие и намного лучше, чем тётя Чжу". Я знаю, что они так не подумают, но я все еще беспокоюсь, что им будет грустно, так что...

"Так что я все еще хочу остаться в детском доме и быть с ними хорошими друзьями и продолжать играть с ними все время." Лицо Мо Цзиньси начало краснеть от смущения.

Уставившись на чистые и невинные глаза Мо Цзиньси, Линь Чу не смогла придумать слова, чтобы ответить ему.

Через некоторое время она, наконец, сказала: "Цзиньси, Ши Ту и Тянь Тянь - хорошие дети, так не получится".

"Я знаю, - кивнула Мо Цзиньси и торжественно посмотрела на неё, - но я всё ещё беспокоюсь".

Линь Чу перестал говорить и посмотрел на него в ужасе. Она так хотела позаботиться о таком вдумчивом и понимающем мальчике.

"По правде говоря, всё и так хорошо. Вы оба всегда навещаете нас в детском доме, и вы тоже так хорошо о нас заботитесь! Этого и так достаточно", - внезапно сделала Мо Цзиньси паузу и стала смотреть на нее с неуверенностью. "Но... Но если их усыновят позже, могу ли я принять твою просьбу? Будете ли вы оба по-прежнему хотеть меня, если это случится?"

Оттенок покраснения был виден на его маленьком нежном лице, в то время как его глаза были наполнены беспокойством.

"Да, мы будем", Линь Чу кивнул, не задумываясь. Затем, с огромной улыбкой на лице, она остановила его, чтобы обнять. "Когда ты будешь готов стать нашим ребёнком, мы тебя примем". И если ты передумал в любой момент, пожалуйста, дай мне знать. Нечего стесняться, потому что я серьезно отношусь к желанию усыновить тебя. Даже если мы не усыновим тебя, ты все равно останешься хорошей подругой Нингбая, так что вы оба должны

приходить сюда почаще, чтобы поиграть, хорошо? Думай об этом, как о вкусе жизни с нами, хорошо?"

На этот раз Мо Цзиньси согласился сразу же с яркой улыбкой, когда выпустил сердечный смех. Он выглядел очень красиво, но все же носил в себе намеки на ребячество из-за ямочки на левой щеке.

Мо Цзиньси был симпатичный, но у него была странная ямочка. Она была у него только на левой щеке, и это было совсем не очевидно, только когда он сильно смеялся. Люди часто находили это странным, когда видели его в первый раз.

Он редко позволял этому проявиться, так что многие люди часто были заинтригованы, что заметили это в первый раз. Его невинная и детская красота сразу же омывала его взрослое поведение, как только появлялась его ямочка.

Мо Цзиньси всегда был симпатичным, поэтому было интересно представить, как он будет выглядеть, когда повзрослеет. Ямочка, в частности, как только она оседала на лице взрослого мужчины, становилась убийцей женщин.

Казалось, что Мо Цзиньси, скорее всего, вырастет прохладным и ледяным, но, несмотря на то, что ямочка большую часть времени не была заметна, контраст был слишком велик, чтобы отвергнуть его всякий раз, когда он смеялся и наслаждался собой.

Разве не существовал тип остроты, известный как контрастная острота? Если бы лицо мужчины имело такой эффект, девушки становились бы одержимыми и бросались бы к его ногам.

Линь Чу улыбнулся и восхитительно похлопал его по голове, в то время как Чу Си смотрел на нее сбоку. Затем он внезапно встал на задние ноги и положил передние лапы на кофейный столик, прежде чем натереть голову о талию Линь Чу.

Линь Чу зудила от царапин и больше не могла устоять перед своим очаровательным манерным поведением. Таким образом, она отпустила Мо Цзиньси и протянула руку, чтобы поцарапать голову Чу Си.

В результате Янь Нинбай подошла ближе и громко заявила: "Большой шурин, я тоже хочу!".

Линь Чу, "..."

При этом правая рука Линь Чу вытянулась, чтобы поцарапать Чу Си, в то время как ее левая рука похлопала голову Янь Нинбай.

Ян Бэйчэн раздражался от этого вида и быстро оттолкнул маленького мальчика и собаку.

"Посмотрите на время, уже поздно". Ребята, идите умойтесь и готовьтесь ко сну!"

"Но завтра воскресенье!" Ян Нингбай спорил. Он ещё не хотел спать.

Несмотря на то, что это был не первый раз, он всё ещё был взволнован новой сменой пространства.

Более того, это был его первый раз, когда его приятель Мо Цзиньси вместе с ним вместе с Чу Си, так что Янь Нинбай был особенно счастлив.

"Даже если завтра воскресенье, планируете ли вы не спать всю ночь? Я уверен, что уже давно пора спать, так что если ты всё ещё не спишь, я позвоню твоим родителям и спрошу, как ты обычно спишь в выходные", - угрожал Ян Бэйчэн.

<http://tl.rulate.ru/book/32211/1023794>